Е.В. Близнюк-Бискуп (Варшавский Университет)

О СПОСОБАХ ПЕРЕДАЧИ ИМПЛИЦИТНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПОЛЬСКИХ ПЕРЕВОДАХ «ПЕТЕРБУРГСКИХ ПОВЕСТЕЙ» Н. ГОГОЛЯ

Факт существования в художественном тексте имплицитной информации не подлежит сомнению. В художественном тексте как одной из форм искусства, говоря словами Г. Грайса, «конвенциональное значение слов определяет не только то, что говорится, но и то, что имплицитно» [3, с. 221]. Под имплицитной информацией понимаем такую информацию, которая не содержится в тексте в явном виде, но сосуществует с непосредственно выраженной эксплицированной информацией и извлекается или может быть извлечена из данного текста [4]. Она может содержаться в лексическом составе оригинала (в игре слов, неологизмах, метафорах), в грамматических средствах языка (в грамматических категориях, видо-временных соотношениях, дейктических средствах), в синтаксических конструкциях (в том числе в значении и функции союзов, соединительных слов) или же на уровне текстовых связей, объединяющих сегменты. Значительная часть имплицитной информации может быть выявлена из контекста всего произведения или соседнего фрагмента или же может находиться за пределами текста, относиться к широкому контексту, связанному с личностью самого автора, его творчеством или определенными культурными и историческими реалиями.

Проанализируем некоторые случаи выявления переводчиками имплицитной информации на лексическом и грамматическом уровне в цикле «Петербургские повести» Н. Гоголя и способы ее перевода на польский язык.

На лексическом уровне, в частности, при переводе безэквивалентной лексики (имен собственных, реалий, неологизмов и т.д.) переводчик зачастую вынужден прибегать к описательным (разъяснительным) приемам или давать комментарии. Это является нормальной переводческой практикой, в некоторых случаях даже неизбежной. Как заметил в одном из писем сам Н. Гоголь (письмо к М.А. Максимовичу 20 апреля 1834), в переводе «лучше десятью словами определить всю обширность его <слова>, нежели скрыть его...» [2, с. 79]. В переводах анализируемого нами цикла часто встречаются различные комментарии и объяснения, что в первую очередь связано со спецификой стиля Гоголя, который насыщен историческими фактами и культурными реалиями ушедшей эпохи, аллюзиями и т.д. Показательным примером является перевод повести «Невский проспект», в котором, кроме многочисленных объяснений культурных и исторических реалий, переводчиком (Й. Вышомирский) комментируются также петербургские архитектурные особенности и обращается внимание читателя на использование в тексте приема игры слов: „wyraz został tu użyty przez Gogola dwuznacznie”¹ [7, с. 13]. В переводах отдельных произведений цикла находим также комментарии, в которых

¹ «данное слово используется Гоголем двусмысленно» (перевод автора статьи)

объясняется выбор переводчиком эквивалента, например, использование в заглавии того или иного слова (почему *szynel*, а не *plaszcz* — [7, с. 151]. Сталкиваемся также с нечастым явлением, которое можем назвать «исправлением ошибок»: во втором издании польского перевода повести «Записки сумасшедшего» переводчик меняет заглавие на более, как ему кажется, удачное, и объясняет свой выбор (почему „*Pamiętnik szaleńca*“ вместо „*Pamiętnik wariata*“) [7, с. 206]. Подобные объяснения направлены на облегчение восприятия информации адресатом текста (читателем). Встречаются также случаи осложнения читательского восприятия, когда переводчик извлекает и эксплицирует предполагаемую информацию, не содержащуюся в тексте. К примеру, в одном из переводов повести «Коляска» вместо обычной, стилистически нейтральной лексики оригинального текста при переводе используется устаревшее слово: в конструкции *в белой кофточке, драпировавшейся на ней, как льющаяся вода* опорное слово переведено устаревшей лексемой *matinka* с подтекстовой ссылкой *poranna narzutka*² [9, с.18]. Это один из случаев, когда переводчиком «домысливается» ситуация: в данном случае подчеркивается претенциозность атмосферы, царящей в доме главного героя.

Таким образом, стремясь максимально приблизить читателю текст и сделать его более удобным для восприятия, переводчики вносят слова, эксплицирующие или частично поясняющие имплицитный смысл оригинала. Однако, как показывает последний пример, интерпретация переводчика, отраженная в эксплицитном выражении того, что может остаться имплицитным в переводе, осложняет понимание текста и требует дополнительных объяснений.

Имплицитная художественная информация, которая порой завуалирована настолько, что становится невидимой не только для читателя, но и для самого переводчика, зачастую раскрывается на грамматическом уровне. Как отмечал Р. Якобсон, «даже такая категория, как грамматический род, которую часто приводят как пример формальной категории, играет большую роль в мифологической стороне деятельности речевого коллектива» [6, с. 366].

При создании художественных образов в «Петербургских повестях» прослеживается склонность Гоголя к использованию субстантивов среднего рода. В русском языковом восприятии в грамматическом роде выражается прежде всего принадлежность к полу. Грамматическая категория среднего рода в русском языке не имеет конкретного содержательного объяснения, она достаточно расплывчата по семантике [5, с. 465–471]. У Гоголя эта грамматическая категория нарочито подчеркивает некую аморфность образов и является смыслообразующим средством.

Главный герой повести «Шинель» — Акакий Акакиевич — именуется *существом* (*скрылось существо; существо, переносившее покорно канцелярские насмешки*). В повести «Портрет» при описании эпизодического персонажа — хозяина дома, где проживал художник Пискарев, — автор называет его *одним творением*, «каких много на Руси и которых характер

² „утренняя накидка» (перевод автора статьи)

также трудно определить, как цвет изношенного сюртука». Обобщенный образ Петербурга в «Невском проспекте» состоит из явлений, творений, созданий и существ: *этот молодой человек принадлежал к тому классу, который составляет у нас довольно странное явление; красавица, так околдовавшая бедного Пискарева, была действительно чудесное, необыкновенное явление; изношенные лица этих жалких созданий; человек такое дивное существо; это прелестное существо; незнакомое существо, к которому так прильнули его глаза, мысли и чувства, вдруг поворотило голову и взглянуло на него; слабое, прекрасное существо; странное, двусмысленное существо.*

Акакий Акакиевич в «Шинели» предстает как жалкое аморфное существо, безликое и размытое — от прямой характеристики (*чиновник нельзя сказать чтобы очень замечательный, низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат, с небольшой лысиной на лбу; сторожа <> даже не глядели на него, как будто бы через приемную пролетела простая муха*) до речи самого героя (*изъяснялся большею частью предложениями, наречиями и, наконец, такими частицами, которые решительно не имеют никакого значения*)³. В окружающем его мире он не жил, а существовал (*самое существование его сделалось как-то полнее; таким образом и произошел Акакий Акакиевич; исчезло и скрылось существо*). Лексема *жить* употреблена только применительно к работе героя, в которой он видел смысл своего существования, к ней испытывал какие-то чувства, с ней были связаны любые изменения (*жил в своей должности; он служил ревностно; служил с любовью; вне этого переписыванья... для него ничего не существовало; выслужил пряжку в петлицу и нажил геморрой*).

В польском языке, где грамматическая категория рода представлена гораздо шире, чем в русском — выделяется 5 родов [8], не представляется возможным в данном случае «перенести» в текст перевода все прагматические значения, которые складываются из грамматических и семантических. Аморфность образа в переводах передается чередованием мужского и женского рода (встречаются лексемы *okaz, istota, jednostka*), а также безличными конструкциями. Приведем примеры:

Исчезло и скрылось существо, <...>существо переносившее покорно канцелярские насмешки

Zniknęła i odeszła istota, <...>istota znosząca pokornie naigrywania

(Ст. Бачиньский)

Zniknęła i przepadła istota, <...>jednostka, która potulnie znosiła drwiny

(Г. Карский)

Zniknęła i skryła się istota, <...>istota, która pokornie znosiła drwiny

(Й. Вышомирский)

Как видим, при переводе принимается во внимание не только лексико-семантическое значение слов и словосочетаний, но и их грамматические свойства, которые могут существенно влиять на смысл передаваемой

³Примечательно, что в ранних редакциях характеристика героя представлена намного резче, как нечто среднее между животным и человеком: *в существе своем это было очень доброе животное и то, что называют благонамеренный человек.*

переводчиком информации. Имплицитная информация, содержащаяся в текстах оригинала, порой играет решающую роль при передаче смысла в переводе. Адекватность и доступность перевода зависит не только от решения переводчика, какие части имплицитного смысла в переводе эксплицировать, а какие сохранить невыраженными, но и от умения переводчика увидеть и понять этот смысл.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоголь Н. В. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 3. – М., 1984.
2. Гоголь Н. В. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 8. – М., 1984.
3. Грайс, Г.П. «Логика и речевое общение» // Новое в зарубежной лингвистике. Отв. ред. Е.В. Падучева. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217–237.
4. Долинин К.А. Имплицитное содержание высказывания. // Вопросы языкознания. 1983. № 6. – С. 37–47.
5. Русская грамматика. Т. I: Академия наук СССР институт русского языка «Русская грамматика» – М.: Наука, 1980.
6. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Избранные работы / Предисловие В.В. Иванова. Под общ. ред. В.А. Звегинцева. – М.: Прогресс, 1985.
7. Gogol M. Opowiadania (tłum. J. Brzeczowski, J. Tuwim, J. Wyszomirski). – Warszawa, 1956.
8. Słownik gramatyki języka polskiego pod red. W. Gruszczyńskiego, J. Bralczyka WsiP Warszawa, 2002.
9. Wesole opowiadania: opowiadania klasyków rosyjskich (przekład Eleonory Mendelsoni Seweryna Pollaka). – Warszawa, 1950.